

литературную систему. Аллегорические персонификации в одах Ломоносова получили иное, чем в школьных драмах, функциональное значение, их постигла другая стилистическая судьба. В то время как в школьных драмах первого тридцатилетия XVIII в. аллегорические персонификации, как показал А. С. Демин, испытали любопытную эволюцию: «У аллегорических персонажей появляются руки, ноги, колени, голова, глаза, сердце. Они начинают напоминать людей и внешностью, и чертами характера».¹⁷ Аллегорические персонажи в одах превращались или в понятия в собственном смысле, или приобретали метафорическое значение, как это произошло с синонимом мира — тишиной.

Поэтика школьной драмы пригодилась Ломоносову композиционно и стилистически, хотя была переосмыслена в соответствии с его концепцией истории и его пониманием функций поэтического слова. Указанное нами соотношение поэтики од Ломоносова со структурой школьной драмы является еще одним подтверждением того положения, которое было выдвинуто мною уже давно: динамика литературы определяется не столько внутрижанровыми, сколько «междужанровыми» связями, своего рода «скрещиванием».¹⁸ Эти линии связей не считаются с жанровыми границами и жанровой иерархией внутри литературной системы русского классицизма, не считаются эти междужанровые связи и с временным расстоянием — в данном случае между школьной драмой начала XVIII века и одами Ломоносова 1740—1760-х гг. А превращение технико-идеологической конструкции школьной драмы в композиционный прием ломоносовской оды является наглядным примером того, какие неожиданности способна осуществить эволюция живой литературы.

¹⁷ Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. С. 242.

¹⁸ Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 268—269.